

УДК 327

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/62>

КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ИЗУЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

©*Хлопов О. А.*, ORCID: 0000-0002-5702-8288, SPIN-код: 2230-4392, канд. полит. наук,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, rggu2007@rambler.ru

NATIONAL VALUES AND CULTURAL PLURALISM IN THE STUDY OF INTERNATIONAL RELATIONS

©*Khlopov O.*, ORCID: 0000-0002-5702-8288, SPIN-code: 2230-4392, Ph.D.,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, rggu2007@rambler.ru

Аннотация. Статья анализирует роль национальных ценностей в формировании внешней политики и влияние культурного многообразия на теоретическое осмысление международных отношений. Несмотря на то, что международные отношения остаются глобальными, каждое государство по-своему приспосабливается к глобальным изменениям, и все больше стран перестают ориентироваться на Запад. Россия сегодня ориентируется на свои национальные интересы как способ восстановления и развития в ответ на давление со стороны Запада. Теоретическое осмысление международных отношений становится более культурно многообразным. В статье раскрываются различные школы теории международных отношений, включая российские, что говорит о признании важности национальных ценностей, которые являются основой для развития современного государства и его внешней политики.

Abstract. The article analyzes the role of national values in the formation of foreign policy and the influence of cultural diversity on the theoretical understanding of international relations. Despite the fact that international relations remain global, each state is adapting to global changes in its own way, and more and more countries are no longer oriented towards the West. Russia today focuses on its national interests as a way of recovery and development in response to pressure from the West. The theoretical understanding of international relations is becoming more and more politically and culturally pluralistic. The article reveals various schools of the theory of international relations, including Russian ones, which indicates the recognition of the importance of national values as basis for development of a modern state and its foreign policy.

Ключевые слова: международные отношения, культурный плюрализм, национальные ценности, теория, Россия.

Keywords: international relations, cultural pluralism, national values, theory, Russia.

Наряду с ростом популярности международных отношений как научной дисциплины, мы стали свидетелями увеличения количества факультетов и ученых по всему миру. Несмотря на такое расширение дисциплины, теоретизирование в рамках международных отношений по-прежнему в значительной степени основано на теориях, зародившихся в англо-американском мире. Например, известные ученые и авторы, которых до сих пор

широко преподают и которые считаются основополагающими в этой области, например, Кеннет Вальц, Роберт Кеохейн и Джон Икенберри, в основном обращаются к американской академии и американскому политическому контексту.

Тем не менее интернационализация международных отношений, среди прочих факторов, подтолкнула ученых к переоценке универсальности и положений ключевых доктрин и концепций, созданные представителями западной политической мысли и влияния на теоретизирования МО, «англосаксонской» цивилизации [1]. Следовательно, в исследованиях о международных отношениях англосаксонская отправная точка больше не может приниматься некритически.

Поэтому должно быть многообразие различных национальных школ или геокультурное плюралистическое изучение международных отношений, которые могут зафиксировать множество подходов и теоретических взглядов на включение незападных мнений, идей, и опыта истории.

Хотя в дискуссии по этому вопросу не существует единой оценки полезности геокультурно-плюралистических, а точки зрения и аргументы широко варьируются, но это приводит к богатому и разнообразному дискурсу.

Термин геокультурный плюрализм состоит из двух отдельных понятий. Мы берем термин «геокультура» из размышлений Иммануэля Валлерстайна в 1980-х гг. об окончании гегемонии США в мировой системе. И.Валлерстайн был заинтересован в том, чтобы изучить разрыв между «идеологическими аппаратами» гегемонии США и их геополитическим господством. Указывая на революции 1968 г., И.Валлерстайн утверждал, что «либеральные истины», особенно представления о государстве как о рациональном арбитре коллективной воли, были радикально подорваны. Вместо этого был сделан акцент на важности культуры [2].

Для Валлерстайна аналогия между геокulturой и геополитикой не предназначалась для аналитических выводов. В этом отношении либерализм, утверждал Валлерстайн, был «изнанкой» капиталистической мировой экономики, и было важно думать о гегемонии США с точки зрения разветвлений этой идеологической изнанки, отрывающейся от ее материальных формаций.

В международных отношениях термин «плюрализм» используется по-разному. Во-первых, для ученых, работающих в традициях английской школы, плюрализм относится к нормативным различиям, существующим в международном обществе. По сути, отдельные государства имеют свои собственные нормы, правила и институты, но они могут стать общими, если объединятся вокруг конкретных ограниченных и хрупких институтов. Во-вторых, плюрализм связан с традицией «социологии знания», которое стремится выявить предпосылку образцовости [3].

Укоренились дискуссии о «незападной» теории, равно как и анализ «постзападных» подходов к международным отношениям [4]. Каждый из исследователей по-своему подходит к этому вопросу и определяет проблемы, связанные с решением проблемы геокультурного плюрализма, а также указывает пути продвижения вперед в этой области. По мнению Инанна Хамати-Атайя, поскольку исследователи международных отношений действуют в условиях социально-исторических ограничений, трудно, если вообще возможно, разрабатывать новые теоретические точки зрения сверху вниз. Она ставит призыв к геокультурному плюралистическому пониманию международных отношений в исторической перспективе и в контексте общей идентичности человечества и общего культурного наследия, которые намного предшествовали идее «западного господства» [5].

О сложностях культурного плюрализма в изучении международных отношений. Современные учебные дисциплины в западных университетах возникли вместе с глобальным процессом колониализма и империализма. Истоки антропологии неразрывно связаны с колонизацией незападных народов и территорий, а современная неоклассическая экономика возникла из политэкономии и переплетается с укреплением капиталистической рыночной экономики, которая постоянно стирает социальные и политические различия.

Изучение английской литературы и классификация некоторых произведений как канонических или классических были вызваны потребностью Британии представить себя передовым обществом в отличие от тех, которыми она правила в своих колониях. Международное право было следствием соперничества между европейскими державами в эпоху Великих географических открытий. Поэтому то, что в последние несколько столетий считалось знанием, неотличимо от европоцентризма.

Дисциплина международных отношений возникла после окончания Первой мировой войны, в период, когда британская гегемония переходила к США. Наряду с этим мир перешел от правления небольшого количества колониальных держав, доминирующих над большинством территорий и народов, к миру деколонизации и к появлению более 150 суверенных национальных государств.

Начиная с начала XX века, в западных исследованиях о международных отношениях развивались навязчивые идеи: поддержание порядка белых над цветным населением; сдерживание коммунизма, противодействие национализму в странах «третьего мира»; борьба против «терроризма»; продвижение международного либерального порядка; активизация дискурсов о правах человека и развитии как последних воплощений разделения мира на цивилизованный и нуждающийся в опеке страны со стороны западных демократий.

Во многих странах определенные теоретические подходы в различных академических дисциплинах о международных отношениях возникли и закрепляются в университетах, институтах, дипломатических академиях и престижных аналитических центрах. Тексты, считающиеся каноническими в международно-политических исследованиях во всем мире, часто некритически воспроизводят содержание ключевых положений из англо-американских основателей и таких авторов, как Ганс Моргентау, Генри Киссинджер, Грэм Эллисон, Кеннет Валльц, Роберт Кеохейн, Джозеф Най, Стивен Краснер, Джон Икенберри и другие.

Международные отношения как научная поле исследований продолжает оставаться дисциплиной, тесно связанной с национальной безопасностью и интересами, и считает своей задачей адаптацию основных текстов и вопросов, возникших в англо-американской науке с собственным национальным и региональным контекстом.

Второй набор опасений связан с методологическим национализмом, рассматривающим глобальное пространство как населенное исключительно однородными, самостоятельными и конкурирующими национальными государствами.

Возникновение капитализма, рыночных обществ, промышленная революция и другие подобные эпохальные события носят глобальный характер и имеют свои причинно-следственные связи. Загонять эти события в замкнутые национальные территории и говорить о капитализме или промышленной революции как о том, что они впервые произошли на Западе, или говорить о США как о первой избирательной демократии - это способ неправильного понимания мира.

Постколониальная постколумбовая мировая система с 1492 г., произвела западное развитие и (третий мир как отсталость) как одновременные, взаимосвязанные и

переплетенные процессы. Оценка этой истории Запада и остальных через теоретическую призму МО, затемняет и искажает исходные процессы и вовлекает остальных в игру по правилам победителей.

Другими словами, наука о международных отношениях это идеологическая формация, а не достоверное описание глобальной социальной реальности.

Почти все различные теоретические школы международно-политической науки говорят об анархической природе международных отношений, а суверенное государство является главным участником. Однако предположение, что мир всегда состоял из суверенных государств, находящихся в состоянии анархии, или что они определяли и мировую политику с начала нового времени, просто ошибочно. На протяжении большей части истории современной международной системы она характеризовалась не суверенными государствами, находящимися в состоянии анархии по отношению друг к другу, а скорее империями.

До недавнего времени большая часть земной поверхности и ее жители прямо или косвенно управлялись другими. Более того, расширение Европы, которое привело к этому, было предпринято не только суверенными государствами, но и с помощью негосударственных акторов, таких как Ост-Индская компания, которая осуществляла политическую власть, возводила укрепления, принимала законы и создавала суды, занималась дипломатией и войной.

К концу XIX в. подавляющее большинство народов мира находились под властью других, а на протяжении более века почти четверть населения британской колонии и более трети ее территории номинально управлялись ее князьями и раджами.

Еще одной формой «суверенитета» были «протектораты», простиравшиеся от Западной Африки и Ближнего Востока до Индокитая, Азии и Тихого океана и охватывающие ряд европейских стран. Действительно, большая часть британской западноафриканской империи управлялась таким образом, который позволял имперской власти полностью контролировать внешние дела «защищенной» территории, в то же время предоставляя неевропейскому государству некоторый суверенитет над внутренними делами [6].

Практика и институт «экстерриториальности», когда могущественные государства заявляли о своей правовой юрисдикции над своими гражданами (и их коммерческими интересами), были навязаны многим «независимым» государствам. Османская империя, Япония и Китай подвергались вторжению на постоянной и систематической основе, как и множество других стран, включая Тунис, Мадагаскар, Самоа, Корею, Таиланд и Марокко.

Международный порядок, состоящий из государств, осуществляющих монополию на законное насилие в пределах своей собственной территории, исторически не был нормой. Скорее, империя была определяющей чертой мира до недавнего времени. Конец Первой мировой войны ознаменовал конец некоторых империй, но не империи как политической формы; действительно, при мандатной системе колонии побежденных передавались другим империям и будущим империям.

Согласно оценке Дэвида Армитиджа, «возможно, самым важным, но наименее широко понимаемым событием в современной истории является долгий переход от мира империй к миру государств. По крайней мере, до конца XIX века, а во многих местах в течение десятилетий после этого большая часть населения мира жила в территориально обширных, внутренне разнообразных, иерархически организованных политических сообществах, называемых империями» [7].

Дисциплина международных отношений пытается игнорировать или отвергать все это и рассматривать суверенное государство в состоянии анархии как эмпирическую данность, которая предполагается во всех исследованиях международной политики, что все исторические события ведут к нормализации современной мировой системы Империи, несмотря на их важность и продолжительность, всегда появляются как промежуточный этап для формирования суверенной государственной системы, которая является ее конечным пунктом назначения.

Мир, каким его изображает и изучает в рамках международных отношений, где одно из суверенных государств, находящихся в состоянии анархии по отношению друг к другу, на самом деле возник только в результате деколонизации, процесса, изменившего мир в основном европейских государств, обладающих колониями, в мир суверенных государств.

Если бы мы видели в антиколониальном национализме только политическое движение за государственный суверенитет, то оказалось бы, что азиатский и африканский национализм создан по образцу европейских прецедентов и поэтому полностью подражателен. Но это означало бы упускать из виду дуализм, лежащий в основе антиколониального национализма; поскольку антиколониальный национализм также постулировал и развивал самобытную национальную культуру и новые формы сообщества, он не был и не мог быть простым подражанием Европе. Парта Чаттерджи утверждает, что «наиболее творческие результаты националистического воображения в Азии и Африке основываются не на тождестве, а скорее на различии с формами национального общества, насаждаемое современным Западом» [8].

Иными словами, новые государства глобального Юга, возникшие в ходе деколонизации, не были рождены «расширением европейского интернационального общества» и не были простыми копиями европейских оригиналов. Таким образом, постколониальные государства были имитацией «евронационализма».

Отсутствие какого-либо «естественного» совпадения культуры, территории и политического суверенитета раскрывает более общую истину о всех национальных государствах, а не только о тех, которые порождены антиколониальным национализмом.

Таким образом, плюралистическое культурное понимание международных отношений должно способствовать лучшему пониманию политическим процессам, происходящим на международной арене и роли культуры и национальной идентичности в формировании политической системы и внешней политики государства.

Исследование различий и поиски того, что может означать изменение в изучении международных отношений стали в центре научных дискуссий на протяжении последних десятилетий. Различные формы критики, уходящие корнями в историографию, социологию знания и такие подходы, как феминизм, постструктурализм, постколониализм, деколонизальная теория, теория коренных народов, подчеркивают узость теоретических подходов в международно-политических исследованиях.

Кроме того, изучение науки о международных отношениях за пределами Запада пролило свет на потенциальное несоответствие между ключевыми понятиями, категориями и теориями и жизненным опытом мировой политики за пределами западных стран.

Как выразилась Инанна Хамати-Атайя: «Действительно, чем больше мы ищем «отличия», тем больше мы находим повсюду воспроизводимых одних и тех же международных отношения: государственно-центричных, утилитарных; движимые национальными, региональными или международными интересами, сформулированными и опосредованными политической и интеллектуальной элитой; формируются господствующими идеологиями, отражающими существующее распределение власти,

авторитета и богатства». Также существует и мнение, что простое добавление «новых голосов» или «альтернативных точек зрения» мало что делает для решения проблемы. Эта форма «включения» либо закрепляет существующие формы исключения, либо создает новые.

Интерес к «геокультурному» измерению международных отношений появился в начале 2000-х гг. Этот термин произошел в основном из социологии социальных наук и постпозитивистских теорий, которые подчеркивали идею о том, что социальная принадлежность знания связана с политической, социальной, географической и культурной средой, в которую были включены отдельные исследователи [9].

В более широком смысле «геокультурная эпистемология и международные отношения», название, под которым какое-то время сотрудничала группа ученых со всего мира, основывалось на ожидании, что конкретный международный опыт раскроет сущность провинциального поля, произведет децентрализацию в сторону от его евроцентристских, и американских привязок и обеспечит более широкую и справедливую картину глобальной политики.

Однако исследование выявило изрядную степень сходства, а не множественности, учитывая, что периферийные или незападные научные исследования в области международных отношений обычно накладываются на уже существующие разработки и теоретические концепции в дисциплинах о международных отношениях. При этом как такие категории, как государство, порядок, конфликт, безопасность, глобализация переформулируются в различных геокультурных контекстах [10].

Российские исследования о влиянии национальных ценностей на внешнюю политику России. По мере того, как мир отдаляется от ориентированной на Запад международной системы, исследователи международных отношений все больше обращают свое внимание на содержание и формирование национальных ценностей.

Россия стремится занять собственную экономическую и политическую нишу на мировых рынках и в политических институтах, защитить свой путь развития. Со второй половины 2000-х гг. российские исследования международных отношений находятся в поиске особых национальных ценностей, возможно, в качестве защитного ответа на политическое и культурное давление со стороны чуждой западной цивилизации, требующей соблюдения ее ценностей и интересов. Основные течения в российском МО, признают значимость национальной самобытности, различные дискурсы отражают особые ценности и национальный суверенитет страны [11].

Национальное видение базируется на системе исторически сложившихся ценностей, посредством которых человеческие сообщества формируют представления и оценивают интересы. Поворот к национальным истокам и традициям отражает необходимость переосмысления национальной идентичности путем поиска новых способов взаимодействия с зарубежными странами.

С растущими вызовами глобализации, ориентированной на Запад, лидеры государств все чаще могут опираться на исторически сложившиеся идеи национального самосознания в мире. По мере того как мир меняется, западным исследователям международных отношений необходимо вернуться к концепции национального.

Исторические и культурные условия еще больше отличают Россию от Запада, предоставляя российским мыслителям отчетливый голос в глобальных дискуссиях. Выявленные международные, геополитические и культурные условия присутствуют в

дискуссиях российских МО, расширяя их за счет включения вопросов теории, внешней политики и внутренней модернизации.

Анализируя научные дискурсы по концептуальным российским теориям международных отношений А. П. Цыганков и П. А. Цыганков выделяют три широкие, исторически непрерывные школы, представляющие собой непрерывные маркеры российской идентичности, подчеркивающие культурно-цивилизационное отличие России от Запада [12].

1. Исторически наиболее влиятельными были государственники, которые отдают приоритет национальному суверенитету России и ее статусу как великой державы в мировых делах. Государственники (этатисты) по своей сути не настроены против Запада и добиваются признания Запада, делая акцент на экономических и военных возможностях. В эту разнообразную группу входят сторонники как агрессивной, так и оборонительной внешней политики, а также сторонники различных структур союзов в мировой политике.

2. Ко второй группе относятся те, кто позиционирует Россию как особую цивилизацию с выработанной и аутентичной системой ценностей. Одни сторонники цивилизационного развития России выступают за приверженность ценностям православия, другие видят в России синтез различных религий и органичное «евразийское» единство, отличное как от европейской, так и от азиатской культуры.

3. Наконец, западники делают акцент на сходстве России с западными странами, рассматривая Запад как самую жизнеспособную и прогрессивную цивилизацию в мире. Хотя западники по-прежнему представлены в России, их влияние в последнее десятилетие снижается [13].

Выявленные школы различаются теоретизированием национальных ценностей и их значения в развитии страны. В то время как цивилизаторы отдают приоритет ценностям России, этатисты и западники исторически преуменьшали особые культурные ценности, подчеркивая «универсальные» реалии баланса сил и международные нормы суверенитета и прав человека.

Ряд ученых анализирует западные международно-политические концепции как предвзятые и неспособные учитывать проблемы и интересы тех, кто живет за пределами Запада, указывают на различные предубеждения и обращение с «незападными» акторами как с зависимыми субъектами, потребителями уже сложившихся знаний [14]. Эти подходы в сочетании с некоторыми выводами из российской теории международных отношений могут помочь нам в описании и объяснении поворота мира к национальным ценностям.

Каждый раз, когда западные страны оказывают давление на Россию, чтобы она пересмотрела свои ценности в соответствии с ценностями Запада, российское общество и элиты мобилизуются для ответного ответа, и такое давление способствует отчуждению России от Запада.

После распада Советского Союза в отечественных исследованиях возник ряд теорий, которые имели корни в более ранние исторические периоды взаимодействия с Западом. Движение славянофилов возникло в результате нарастающего отчуждения России от Европы в начале XIX в., коммунистические теории развились вслед за появлением марксистских идей в конце XIX в., а евразийство возникло после Октябрьской революции 1917 г. в России в ответ на распад Российской империи.

В 1990-е годы в России доминировали теории западников и государственников. Однако внешнее давление на Россию с целью соблюдения ориентированных на Запад норм постепенно усиливалось с 1990-х гг., принимая форму расширения НАТО и продвижения

глобальной демократий в форме «цветных революций», введением санкций против российской экономики после 2014 г. и в апреле 2022 г.

Давление Запада на Россию подтолкнуло ее к изменению ее политики - с открытой для западного влияния на более антизападное противостояние. Внешние воздействия укрепили цивилизационную идентичность России и способствовали развитию своих теорий, повышению привлекательности различных ценностей и интересов среди российских государственных и западных [15].

Россия сейчас исходит из видения себя как государства-цивилизации, которое должно противостоять давлению Запада. Политика России по созданию Евразийского экономического союза, улучшению положения в Шанхайской организации сотрудничества и общему повороту в сторону Азии включает в себя экономическое, политическое, а также цивилизационное измерение. Российское руководство по-прежнему заинтересовано в улучшении отношений с Европейским союзом, но без ущерба для обретенной цивилизационной идентичности.

Устоявшиеся теоретические подходы к международным отношениям недостаточны в отношении исследования роли национальных особенностей в мировой политике и их влияния на внешнюю политику государства. Проблема реализма в том, что он недооценивает автономную роль культурных ценностей и идей, стоящих за национальным самоопределением народов и стран. Реалисты объясняют попытки России сотрудничать с Западом после окончания «холодной войны» подрывом силового потенциала России и стремлением к статусу великой державы [16], тем самым упуская из виду идейные истоки российской внешней политики.

Сторонники либеральной парадигмы склонны определять нацию с точки зрения политической системы и ее способности функционировать как демократия. Они предполагают, что демократические системы лучше всего воплощают и консолидируют национальные ценности [17]. Однако такие взгляды не учитывают возможность того, что некоторые национальные ценности могут быть несовместимы с либерально-демократическими стандартами или могут не касаться политической системы и ее организации.

Значительная часть конструктивистских исследований изучала скорее международный, чем внутренний контекст действий государства, исследуя роль международных/западных норм, идей и сетей в формировании идентичности отдельных государств и стандартов надлежащего поведения.

Очевидно, что власть Запада была неразрывно связана с утверждением, о том, что Европа была уникальным и универсальным местом, которой суждено было со временем стать глобальной. Очевидно, что сохраняющееся неравенство в производстве знаний означает, что текущие и будущие дебаты о глобальном мироустройстве, скорее всего, будут отдавать предпочтение определенным странам и регионам.

Но глобальные тенденции неизбежны, поскольку существуют объективно мощные глобальные и системные факторы, формирующие будущее общего человечества: глобальный капитализм, геополитические конфликты, вытекающие из динамики международной политической системы, экологические изменения, технологическое развитие. К этому мы могли бы добавить системную сложность, ведущую к потенциальным глобальным катастрофическим рискам. Естественные и человеческие системы демонстрируют высокий уровень динамической сложности, характеризующийся нелинейностью, многочисленными каналами обратной связи и непредсказуемостью.

Это, безусловно, потребует альтернативных концепций мира и глобального порядка, но не должно отменять традиционный акцент на межгосударственных отношениях и международное сообщество.

Каждая из ведущих российских школ теории международных отношений в стране сместилась к национальным идеям. Цивилизаторы выделяют славянские, православные и евразийские связи как национальные ценности. Государственники подчеркивают важность национальных интересов, сохранение за Россией суверенитета и статуса великой державы, западники признали важность национального как условия для повторного взаимодействия России с миром. Представители каждой школы отдают приоритет суверенитету и самобытности страны.

Мир международных отношений остается глобальным, но менее ориентированным на Запад, более культурно плюралистичным, и каждое государство по-своему приспособляется к этим глобальным изменениям. Россия сегодня более ориентирована на национальные интересы как способ восстановления и развития в ответ на давление со стороны Запада.

Сохраняя важные выводы из традиционных и критических подходов в теории международных отношений, ученым необходимо развивать исследования ориентированные на анализ национальных ценностей и их влияние на внешнюю политику государства. Историческую память, национальные идеи, сформированные отдельной национальной историей, необходимо изучать как самостоятельные факторы внешней политики и теории международных отношений.

Список литературы:

1. Vucetic S. The anglosphere // The Anglosphere. Stanford University Press, 2011.
2. Wallerstein I. M. Geopolitics and geoculture: Essays on the changing world-system. Cambridge University Press, 1991.
3. Tickner A. B., Smith K. (ed.). International relations from the global south: Worlds of difference. Routledge, 2020.
4. Многоликая глобализация : культурное разнообразие в соврем. мире / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. 378 с.
5. Hamati-Ataya I. Global discipline, global thought, global culture: of category-errors and the hubris of scholastic agency //International Politics Reviews. 2021. V. 9. №2. P. 296-300. <https://doi.org/10.1057/s41312-021-00118-w>
6. Anghie A. Imperialism, sovereignty and the making of international law. – Cambridge University Press, 2007. V. 37.
7. Armitage D. Foundations of Modern International Thought. Cambridge University Press. 2012.
8. Chatterjee P. The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton University Press. 1993.
9. Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Вестник Евразии. 2002. №2. С. 5-17.
10. Кузнецов В. Н. Геокультура. Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI. М.: Книга и бизнес, 2003.
11. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2006.
12. Tsygankov A. Russia's Foreign Policy. 5th ed. Rowman & Littlefield. 2019.

13. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline // *European Review of International Studies*. 2014. V. 1. №2. P. 92-106.
14. Tickner A., Blaney D. *Thinking International Relations Differently*. London: Routledge 2012.
15. Цыганков А. П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // *Сравнительная политика*. – 2014. – №. 2 (15). – С. 65-83. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2\(15-16\)-24-30](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-24-30)
16. Sushentsov A. A., Wohlforth W. C. The tragedy of US–Russian relations: NATO centrality and the revisionists' spiral // *International Politics*. – 2020. – Т. 57. – №. 3. – С. 427-450. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00229-5>
17. Doyle M. W. *Liberalism and foreign policy* // *Foreign policy: Theories, actors, cases*. 2008. P. 49-70.

References:

1. Vucetic, S. (2011). *The anglosphere*. In *The Anglosphere*. Stanford University Press.
2. Wallerstein, I. M. (1991). *Geopolitics and geoculture: Essays on the changing world-system*. Cambridge University Press.
3. Tickner, A. B., & Smith, K. (Eds.). (2020). *International relations from the global south: Worlds of difference*. Routledge.
4. *Mnogolikaya globalizatsiya (2004): Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire*. Pod red. P. Bergera i S. Khantingtona. Moscow.
5. Hamati-Ataya, I. (2021). Global discipline, global thought, global culture: of category-errors and the hubris of scholastic agency. *International Politics Reviews*, 9(2), 296-300. <https://doi.org/10.1057/s41312-021-00118-w>
6. Anghie, A. (2007). *Imperialism, sovereignty and the making of international law* (Vol. 37). Cambridge University Press.
7. Armitage D. (2012). *Foundations of Modern International Thought*. Cambridge University Press.
8. Chatterjee P. (1993). *The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton University Press.
9. Zamyatin, D. N. (2002). Geokul'tura: obraz i ego interpretatsii. *Vestnik Evrazii*, (2), 5-17.
10. Kuznetsov V.N. (2003) *Geokul'tura. Osnovy geokul'turnoi dinamiki bezopasnosti v mire XXI*. Moscow.
11. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2006) *Sotsiologiya mezhdunarodnykh otnoshenii: Analiz rossiiskikh i zapadnykh teorii*. Moscow.
12. Tsygankov A (2019). *Russia's Foreign Policy*. 5th ed. Rowman & Littlefield. .
13. Tsygankov, A., & Tsygankov, P. (2014). Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline. *European Review of International Studies*, 1(2), 92-106.
14. Tickner A., Blaney D. (2012) *Thinking International Relations Differently*. London: Routledge.
15. Tsygankov, A. P. (2014). Rossiiskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kakoi ei byt'?. *Sravnitel'naya politika*, (2 (15)), 65-83. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2\(15-16\)-24-30](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-24-30)
16. Sushentsov, A. A., & Wohlforth, W. C. (2020). The tragedy of US–Russian relations: NATO centrality and the revisionists' spiral. *International Politics*, 57(3), 427-450. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00229-5>

17. Doyle, M. W. (2008). Liberalism and foreign policy. *Foreign policy: Theories, actors, cases*, 49-70.

Работа поступила
в редакцию 28.03.2022 г.

Принята к публикации
03.04.2022 г.

Ссылка для цитирования:

Хлопов О. А. Культурный плюрализм и национальные ценности в изучении международных отношений // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №5. С. 513-523. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/62>

Cite as (APA):

Khlopov, O. (2022). National Values and Cultural Pluralism in the Study of International Relations. *Bulletin of Science and Practice*, 8(5), 513-523. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/62>